

ситеть не предложилъ ему у себя кафедры по философіи. Я нарочно спрашивалъ многихъ студентовъ петербургскаго университета, слушавшихъ лекціи Сидонскаго; почти всѣ отзывались о немъ, какъ о лучшемъ своемъ профессорѣ; въ особенное ему достоинство вмѣняли то, что каждая его лекція была, такъ сказать, самостоятельною, отдѣльнымъ, но законченнымъ разсужденіемъ о томъ или другомъ философскомъ предметѣ. Но при обсужденіи учено-философской дѣятельности Сидонскаго нужно взять во вниманіе слѣдующія обстоятельства. Трудно съ увлеченіемъ заниматься науками только въ одномъ своемъ кабинетѣ; занятіе ими въ томъ преимущественно случаѣ интересно и увлекательно для занимающагося, когда ему есть возможность высказать свои идеи или въ печати, или на кафедрѣ какого-либо учебнаго, особенно высшаго заведенія, — надѣяться, что эти идеи повліяютъ на современниковъ и, можетъ быть, перейдутъ и къ послѣдующимъ поколѣніямъ. Безъ этого условія нужна платоническая любовь къ наукѣ; нужно быть записнымъ, страстнымъ, безкорыстнымъ поклонникомъ ея; нужно владѣть, или, пожалуй, страдать ненасытимою любознательностію, чтобы заниматься только для удовлетворенія ея одной, только для себя одного. Федору Федоровичу въ теченіе почти всей его жизни недоставало именно этого условія, этого почти единственнаго стимула къ занятію наукою; напротивъ вся почти его жизнь такъ обусловилась, что ему наука только вредила въ житейскомъ отношеніи и ему приходило дѣлиться своими идеями только съ своими знакомыми, да и то иногда, по пословицѣ, «пропускать слова сквозь зубы». И если послѣ всего этого Федоръ Федоровичъ продолжалъ все-таки заниматься наукою, если онъ при ослабленномъ своемъ здоровьѣ, въ преклонныхъ лѣтахъ могъ еще увлекать университетскую молодежь своими философски-отдѣльными лекціями, то чего бы отъ него не имѣла права надѣяться наука, когда бы онъ постоянно съ 1833 г. занималъ философскую кафедру въ академіи или другомъ высшемъ учебномъ заведеніи, гдѣ бы неутолимая его любознательность и обширныя свѣдѣнія пробуждали энтузіазмъ въ молодомъ поколѣніи, а этотъ энтузіазмъ въ свою очередь рефлективнымъ образомъ дѣйствовалъ на профессора, усиливая въ немъ желаніе сдѣлаться еще болѣе достойнымъ представителемъ и проповѣдникомъ науки? Но... не петербургская, конечно академія, — ее всю винить нельзя, а разные Григоровичи, Кутневичи, Щепетевы надолго заставили замѣчательнаго и даровитаго поклонника науки ограничивать занятія его только для удовлетворенія личной своей любознательности.